

подсчетов рентабельности хозяйств разных категорий производителей, которые он размещает в разделе о логике автаркической системы (с. 500–520). Не станем обращаться к антологии трудов, создатели которых осуществляли схожие изыскания. В конце концов, все они — почти не удостоверяемые абстракции, своего рода научная фантастика — гипотезы, далеко не всегда приближенные к реалиям жизни землевладельцев. По нашему мнению, если в чем М. Каплан и преуспевает, то это в разработке сюжетов, почерпнутых у своих учителей. К ним принадлежит также проблема происхождения Земледельческого закона. Непосредственным предшественником М. Каплана в изучении этого памятника был Н. Зворонос⁴. Развивая его идею, М. Каплан утверждает, что содержание Земледельческого закона восходит к доюстинианову законодательству (с. 384, 387). И напрасно А. Каждан ополчается против этого вывода, поскольку до полной атрибуции статей Земледельческого закона любые рассуждения о нем будут носить гипотетический характер. Приходится лишь сожалеть о том, что М. Каплан не продвинулся в этом направлении настолько, чтобы страницы о Земледельческом законе принесли известность его труду.

Безусловно, размах и глубина исследования М. Каплана очень быстро сделают его книгу классической. Однако вопрос о приоритете ученого в исследовании аграрного строя Византии ввиду критики А. Каждана остается открытым. И многое хорошее, что можно было бы сказать об этой монографии, ее концепции и результатах, увы, перечеркивает застарелая позитивистская методология, приверженность юридически-правовому подходу и пережиткам фискальной теории, которые то и дело обнаруживаются в толковании исторических явлений. Это последние тяжкими веригами косвало новаторские идеи исследователя — в противном случае они стяжали бы ему честь и славу.

Ю. Я. Вин

I. Shahid. Byzantium and the Arabs in the Sixth Century.

Vol. 1, part 1: Political and Military History.

Vol. 1, part 2: Ecclesiastical History. XXX + 1034 p. + Index.

Washington, D.C., 1995.

Ирфан Шахид, профессор Джорджтаунского университета (США) и признанный авторитет в одной из наиболее сложных и малоизученных областей византистики, а именно в истории византийско-арабских отношений, не нуждается в особом представлении. Невдалеке вышедший первый том его монографии «Византия и арабы в VI в.» открывает последнюю часть фундаментальной трилогии о взаимоотношениях византийцев и арабов в ранневизантийскую эпоху (или в «прото-византийскую», по выражению автора)¹. Рецензируемая монография является, по существу, комплексным анализом ближайших предпосылок арабских завоеваний во второй половине VI в., которому предполагается посвятить заключительный выпуск трилогии.

В организации материала автор следует оригинальной и уже испытанной манере, апробированной в предыдущих частях трилогии. Исследование по существу представляет собой исчерпывающую сводку сохранившихся сведений источников (нарративных, эпиграфических и др.), важнейшие из которых воспроизведены на языке оригинала (греческом, арабском, латинском) либо в аутентичных переводах, в факсимильных копиях и снабжены лингвистическими, источниковедческими и историческими комментариями. Материал расположен в хронологической последовательности по правлениям византийских императоров (первая часть тома насчитывает восемь глав — по числу правлений с 491 г. по 630-е гг.). Тем самым автор словно воссоздает некую гипотетическую хронику, погодный свод событий византийско-арабских отношений. Этот подход определенно предрасполагает исследователя к фактографичности. Однако автор не боится показаться чересчур

⁴ N. Svoronos. Notes sur l'origine et la date du Code Rural // TM, 1981, vol. 8, p. 487–500. Следует также учитывать участие М. Каплана в работе семинара Н. Звороноса, посвященного проблемам Земледельческого закона.

¹ I. Shahid. Byzantium and the Arabs in the Fourth Century. Washington, D.C., 1984; Idem. Byzantium and the Arabs in the Fifth Century. Washington, D.C., 1989.

эмпиричным: для истории ранних этапов византийско-арабских отношений фактография оправданна и неизбежна — в силу ограниченности источниковой базы, сугубой фрагментарности и неоднозначности сохранившихся свидетельств. Вместе с тем, многочисленные теоретические и полемические excursus скрепляют отдельные сюжеты, придавая исследованию выраженное аналитическое и синтетическое измерение. На эти особенности изложения, несомненно, повлияла и другая сверхзадача автора — монография представляет собой итоговый свод всей совокупности частных исследований по проблеме за последние несколько десятилетий.

Первая часть тома посвящена месту арабов в политической и административной истории византийского Ближнего Востока от правления Анастасия I (491–518) до начала мусульманских завоеваний (30-е гг. VI в.). В отличие от предыдущего столетия, характеризовавшегося спадом военной активности на византийско-иранской границе, шестой век ознаменовался новым витком военного соперничества между Византией и Ираном, вылившегося в беспрецедентную по ожесточению борьбу первой трети VII в. Возобновлению персидских войн сопутствовала активизация военных действий на западе и северо-западе империи (в результате завоевательной политики Юстиниана и славянского вторжения на Балканы). Война на Востоке возобновилась уже в правление Анастасия и длилась с более или менее краткими перерывами до конца рассматриваемого периода.

И. Шахид сосредоточил свое внимание, в первую очередь, на истории диоцеза Восток и главных там союзников Византии первой половины VI в. — североарабской конфедерации племен во главе с Гассанидами. Взаимоотношения между Гассанидами и Византией были не столь безоблачны, как принято думать. Оставаясь главными федератами империи на Востоке, Гассаниды не раз на протяжении шестого века входили в конфронтацию с центральной властью, что ставило под угрозу всю систему обороны империи на Востоке. Причина этих конфликтов кроется, в первую очередь, в вероисповедальных контроверсиях — Гассаниды не только сами были монофизитами, но зачастую выступали яркими защитниками монофизитства. Упоминания Гассанидов, главной опоры империи в

восточных войнах с V в., неожиданно исчезают со страниц византийской историографии в правление Юстина I. Анализ не так давно открытого источника (одно из писем монофизита Шимона Бетафшамского) позволяет предположить, что между 519 и 528 гг. Гассаниды покинули византийскую службу в связи с ужесточением позиции императорской власти по отношению к монофизитству. Они удалились в Северный Хиджаз, где вели до своих контактов с византийцами (с. 32–39). Однако в правление Юстиниана Гассаниды вновь участвуют на стороне византийцев практически во всех крупных сражениях на восточном театре военных действий (возможно, при Даре в 530 г., при Калликнике в 531 г. — с. 141–143) и даже, по-видимому, в заморских операциях Велисария (в войне с вандалами — с. 180–181). Правление Юстина II ознаменовалось острым кризисом и разрывом отношений с гассанидским правителем Мундиром (572), что почти совпало с захватом персами Южной Аравии в 570 г. (с. 346–372); оба отмеченных обстоятельства катастрофически ослабили позиции империи на Востоке. За возвращением Гассанидов на византийскую службу в 575 г., которое было ознаменовано приездом Мундира в столицу империи (с. 384–389), в правление Тиверия вновь следует острый кризис. Мундир, не подавивший с Мавриkiem, назначенным *magister militum* Востока, был обвинен в предательстве и заговоре и арестован. В ответ арабы Мундира, контролировавшие в то время обширный пограничный регион от Евфрата до Красного моря, подвергли жестокому опустошению имперские провинции Аравию и Сирию. Бесплодные попытки Тиверия силой подавить восстание, по существу, разрушили прежнюю структуру византийско-арабских отношений, сложившуюся почти за сорок лет правления Юстиниана I (с. 464–489). Восшествие на престол Маврикия лишь усугубило растущую неприязнь между Византией и ее арабскими союзниками, что явилось решающим фактором для будущих катастрофических потрясений на византийском Востоке. Именно при Маврикии «были посеяны семена двух главнейших конфликтов правления Ираклия — с персами и арабами» (с. 529). Попытки Нумана, сына Мундира, выволить отца из заключения окончились неудачей. В итоге сам Нуман

оказался под арестом, его отец был отправлен в ссылку на Сицилию, а гассанидский *филархат* был упразднен. Арабы продолжают упоминаться в составе полевых армий византийцев в войнах с персами: Маврикий, по всей видимости, попытался опереться на другие арабские филархаты — Салхидов, Киндитов и Танухидов. Но потенциал этих союзников явно уступал мощи Гассанидов, прибегнуть к помощи которых император был вынужден на рубеже 80–90-х гг. VI в. (с. 529–617). Только после воцарения Фоки Мундир смог вернуться из сицилийской ссылки на родину. Правление Ираклия можно считать (наряду со временем Юстиниана) наиболее счастливым периодом во взаимоотношениях Византии с Гассанидами, что совершенно ускользает от внимания современных историков. Гассаниды, как верные союзники, были рядом с Ираклием и в тяжелейший период, когда персы прорвались в Анатолию, и в блестящую эпоху ответных персидских походов Ираклия. Конец истории арабского филархата Гассанидов автор связывает с разгромом византийских сил мусульманами при Ярмуке (636) (с. 634–659).

Автор столь же обстоятельно интерпретирует всю совокупность доступных ныне сведений о других федератах империи — арабах Киндитах, Танухидах, Салихидах и др. (с. 160–166, 175–177). Немало страниц монографии посвящено взаимоотношениям Византии с арабской племенной конфедерацией Лахмидов, союзников Ирана, которые были целиком обусловлены обстоятельствами византийско-иранского соперничества (с. 17–19, 42–48, 89–91, 142–144, 273–278, 308–312 и многие др.).

Многочисленные экскурсии посвящены административной, этнической истории византийского Ближнего Востока, титулатуре арабских федератов, арабской и греческой просопографии; особого внимания заслуживают историко-ведческие этюды автора (о Прокопии, Менандре, Иоанне Эфесском, Евагрии, Феофилакте, Иоанне Мосхе), отдельные полемические очерки, в которых автор подвергает критическому анализу воззрения современных историографов.

Вторая часть монографии посвящена, в основном, месту арабов в церковной истории региона (материал излагается по описанному выше принципу). Церковная история теснейшим образом переплетена с политическим аспектом арабо-византийских взаимоотноше-

ний. *Первый период* совпадает с правлением Анастасия и, в особенности, с последним десятилетием его царствования, когда под влиянием Константинополя Гассаниды приняли монофизитство. Это время характеризуется религиозной гармонией между монофизитской императорской властью и ее арабскими федератами. Анастасий предпринимает также попытки обратиться в монофизитство арабов за пределами византийского *лимеса* — в первую очередь Лахмидов и южноаравийских арабов (с. 694–716). Попытки византийцев в первой половине века крестить Лахмидов, которые оставались приверженцами арабского язычества, потерпели неудачу; известные прецеденты человеческих жертвоприношений лахмидского царя Мундира (в 527 г. и 540-х гг.), возможно, объясняются его желанием продемонстрировать свою лояльность персам (с. 722–726). *Второй период* начался с приходом к власти халкедонита Юстина I. С этих пор в византийско-арабских церковных отношениях появляется напряженность, выливавшаяся время от времени в острые конфликты; Юстиниан и Маврикий безуспешно пытались распространить среди Гассанидов диофизитизм (гл. X–XIV). *Третий период*, связанный по преимуществу с именами Фоки и Ираклия, характеризуется ослаблением религиозного противостояния империи и арабских монофизитов (с. 939–948). В главе «Арабские федераты и христианские святые» дается целый ряд ярких портретов церковных деятелей того времени — Сергия, Космы и Дамиана, Юлиана Эмесского, scrupulously воссоставляются детали их биографии и их связь с арабским христианством (с. 949–966). Автор не изменяет своему методу и в этой части исследования, наполняя его яркими экскурсами в области церковной топографии, эпиграфики, просопографии.

По замыслу автора, осуществленный им свод сведений о роли арабов в политической, церковной, военной и административной истории провинции Восток создает прочную базу и для будущего более широкого сравнительного анализа места арабского и германского варварского элемента в контексте позднеримской и ранневизантийской цивилизации. Первый подход к такому сопоставлению делает сам И. Шахид в Эпиллоге рецензируемого труда — «Арабские и германские федераты: монофизитство и арианизм» (с. 991–995), хотя

следует отметить, что подобные сравнения, вероятно, должны носить достаточно ограниченный характер, ибо они могут базироваться лишь на внешней и часто случайной общности между арабским и германским мирами в контексте имперской государственной и церковной структуры (и германцы, и арабы находятся на периферии римской и византийской ойкумены, и те и другие — новообращенные христиане-неортодоксы, и те и другие являлись федератами и т. д.). Вместе с тем, с точки зрения культурной типологии, учитывающей предыдущий цивилизационный опыт культуры, ее вовлеченность в мировые культурные процессы, между арабами и древними германцами лежала пропасть. Вопреки архаичности арабских социальных институтов, их внешней близости к германским, к V–VI столетиям арабский этнокультурный элемент нес в себе мощный пласт зрелого и многообразного цивилизационного опыта, не учитывать который при создании любых генерализирующих типологий было бы слишком рискованным.

Монография щедро снабжена иллюстративным материалом: прорисовками и фотографиями надписей и архитектурных объектов, подробными картами, а также генеалогическими таблицами важнейших арабских родов и общим именованным индексом.

Новая монография Ирфана Шахида является первым столь полным обобщающим исследованием по истории Гассанидов со времен классической монографии Теодора Нольдеке³, блестящим итогом работы почти четырех поколений византинистов и арабистов. Вместе с тем, книга представляет собой весомый аргумент в пользу предложенной Ирфаном Шахидом новой трактовки ближневосточной цивилизационной ситуации III–VII вв., согласно которой арабское культурное начало следует рассматривать как третий равноправный элемент, наряду с традиционным греческим и арамейским.

Р. М. Шукуров

С. А. Иванов. Византийское юродство. М., 1994

Создатель работы о византийском юродстве поставил своей целью исследовать одно из самых необычных явлений восточного христианства. Уже беглого взгляда на книгу (и особенно на помещенные в ее конце примечания) достаточно, чтобы убедиться в немалых размерах труда, проделанного ученым: им были изучены многочисленные житийные памятники и научные работы о Христа ради юродивых и близких им по духу подвижниках. Однако, успех предпринятого им дела зависит не только от объема взятых в рассмотрение источников, но и от последовательности и целостности научного взгляда, оправданности исходных посылок и выводов.

Поставив главный вопрос книги («Почему юродствует юродивый?»), С. А. Иванов тут же переопределил его: «...что заставляет социум усматривать проявления святости там, где на эмпирическом уровне не видно ничего, кроме безумия?»¹. Вопросы эти разные: предметом первого являются отдельные личности, предметом второго — общество, выносящее этим личностям свою оценку. Ответ на второй вопрос прямо зависит от ответа на первый; пытаться объяснить общественную оценку юродивых, отвлекаясь от того, что же на самом деле двигало ими самими, выглядит занятием *безнадежным*.

Создается впечатление, что С. А. Иванов придерживается иного мнения. По его словам, «кого именно она (т. е. византийская культура) использовала в своем мифотворчестве — святого или грешника, безумца или симулянта, для нас значения не имеет»². Но для византийского общества, чью культуру изучает автор, такой вопрос имел значение! Приведенные в книге высказывания источников служат тому подтверждением, так полагает и сам исследователь (с. 88–91, 119–120). То юродство, какое рассматривается в работе, имело смысл и могло существовать лишь постольку, поскольку для окружающих остава-

¹ С. А. Иванов. Византийское юродство. М., 1994, с. 10. Далее в ссылках на эту книгу указываются только номера страниц.

² С. 5. См. также с. 188: «С точки зрения нашего исследования безразлично, был ли юродивый настоящим или притворным безумцем...».

³ T. Nöldeke. Die Ghassanischen Fürsten aus dem Hause Gafna's // Abhandlungen der königl. Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Berlin, 1887.